

И. БРОДСКИЙ
ПЕЙЗАЖ
С НАВОДНЕНИЕМ

Сборники стихотворений
Иосифа Бродского (1940–1996)
«Остановка в пустыне» (1970), «Часть речи»,
«Вечная прелесть эпохи» (1977),
«Новые стихи к Августу» (1983), «Ураган» (1987)
и «Пейзаж с наводнением» (1996)
были опубликованы в 1970–1990-е годы
в американском издательстве «Ардис».
Над составлением этих книг работал
сам поэт в сотрудничестве с его друзьями
Карлом и Элинорой Проффер, основателями
«Ардис». В этом легендарном издательстве,
как и в издательствах «Посев» и «ИМКА-Реген»,
много лет выходила проза и поэзия русской
литературы, которые не могли увидеть
свет в Советском Союзе. Бродский писал
о Карле Проффере: «Он вернул русскую
литературу к ее естественности развития,
и тем самым дал ей ее достоинство...»
Эти книги русских писателей
были, от изложения их слова,
и в основном, более того,
сам климат русской литературы.
«Пейзаж с наводнением» — это
последний в серии сборников
его стихов.

«Пейзаж с наводнением»
лучше
из русских и мировых
литературы

«Пейзаж с наводнением»
лучше
из русских и мировых
литературы

Самые лучшие
стихи Бродского
лучше
из русских и мировых
литературы

ПЕЙЗАЖ С НАВОДНЕНИЕМ

И. БРОДСКИЙ

И. БРОДСКИЙ
ПЕЙЗАЖ
С НАВОДНЕНИЕМ

Я знаю...

Как жаль, что наши души безвозмездны.
Я что угодно б отдал за твою.
Я столько раз стоял на крае бездны
Да почему «стоял»? – сейчас стою.

Ищу твои черты в любом просвете:
Над пропастью, над ночью, надо мной.
Так ищут близких маленькие дети.
Так тщетно ищут люди рай земной.

Так с памяти выводят крови пятна.
Живут, в осколки душу раздробя...
Я знаю – не вернуть тебя обратно:
Твоей души, тебя саму, тебя...

И я стою, смешон и безоружен,
Под натиском терновника светил.
Как жаль, что безвозмездны наши души,
Я за твою своей бы заплатил!

15 марта 2015

Оконное

И вот мы остаёмся вновь вдвоём.
С тобой наедине я рад вдвойне
Тому, что светел окон окоём.
Тому, что есть отверстие в стене,

Которое, не исчисляя лет,
Не помня бед, не зная суеты,
На все мои желания в ответ
Дарило свет. Синоним свету – ты.

Я так любил часами ворошить
Воспоминанья, черпать их со дна.
И понимал, что невозможно жить
Мне стало бы, не будь в стене окна.

Окна и света! Только и всего!
Я эти мысли так обрисовал:
Не будь существованья твоего,
То вряд ли бы и я существовал.

И я ещё подумал об одном:
Я выхвачен сейчас из темноты
Одним твоим присутствием, окном,
Тем фактом, что мы вместе – я и ты.

И нечего добавить к тишине,
В которой каждый отзвук невесом...
С тобой наедине я рад вдвойне
Тому, что этот мир – не просто сон.

10 апреля 2015

«Письма с чердака – в небо. Let it be»
Три сонета Пола – к Мэри

I

Родная Мэри, вновь приснись сегодня.
Внутри меня – как и снаружи – мрак.
Снаружи – ночь. А ты – свеча Господня,
Приснись мне и скажи: «Пусть будет так».

Пусть будет так... Друзья пугают бездной,
Смеются и друг друга бьют под дых.
Все ищут истин в пустоте окрестной...
Мне не хватает слов твоих простых.

Тебя я вновь зову и именую,
И ты нисходишь с неба на чердак,
Стоишь вблизи кровати, одесную,
И смыслом наполняешь кавардак.

И всю любовь, всю истину земную
Вместишь в три слова ты: «Пусть будет так».

II

Пойми, Родная, жизнь в какой-то мере
Подобна морю, я в ней – кораблю.
Я редко говорил, но знаешь, Мэри,
Лишь Бог поймёт, как я тебя люблю.

Бегу от мира и ищу причала,
Меняю курс и знаю ценность благ.
Срываясь, начинаю всё сначала.
Смиряюсь, говоря: «Пусть будет так».

И если стану лёгкой я мишенью
Для пушек, бурь, волнений и зевак,
Во мрак скалистый, побоясь сраженья,
Меня направит мнимый друг (мой враг), -

Спаси меня от кораблекрушенья,
Спаси и сохрани. Пусть будет так.

III

Я с каждым днём люблю сильнее, Мэри,
Твой свет, улыбку, невесомый шаг...
Ответ на все вопросы и потери
Читаю по губам: «Пусть будет так».

Пусть ничего я не опровергаю,
Мне главное – чтоб свет твой не иссяк.
На небе много звёзд... Но ты – другая.
Когда придёт беда – подай мне знак.

Спокойной ночи, Мэри, дорогая.
С любовью, Пол. P.S. Пусть будет так.

13, 17 апреля 2015

Портрет

I

Так оглушает свет,
Так ослепляет звук.
Вспомни пустой портрет,
Где ни сердец, ни рук,

Ни очертаний лиц,
Ни отражений глаз...
Так убивают птиц.
Так разлучают нас.

Так расплавляют медь
В недрах моей груди...
Так на портрет смотреть,
Чтобы с ума сойти!

Вновь нас не будет, нет.
Но памяти мир горяч.
Вспомни пустой портрет
И отвернись, заплачь.

II

В памяти освежи
Мир, а потом – сотри.
Не написать души,
Коль её нет внутри.

Выбеги на лету
В вечность, где звёзд не счесть.
Из темноты на ту
Сторону, где я есть.

Рядом со мною встань
Так, чтоб оставить след,
Видимый лишь холстам
Белым, а краскам – нет.

Так, чтобы оглушить
Внутренней белизной,
Так, чтобы две души
Стали навек одной.

Зренье сводя на нет,
И отключая слух...
Это и есть портрет
Судеб влюблённых двух.

14 апреля 2015

Радисты

Странно кричать по рации,
Волны ловить пологие
И привыкать к молчанию,
Словно к словам: «Не смей!»

Это – аллитерация.
Это – не тавтология.
Схожие – по звучанию.
Разные – на письме.

Прятаны – маскарадами,
Нищим, как подать, розданы.
Странно, что нас на практике
Только сближают дни.

Мы – это то, что задано,
Мы – это то, что создано
В разных концах галактики
Разной – Творцом одним.

Или – его учителем.
Может быть, нас подделали?
Видно, работа славная –
Не разобрать, кого.

Мы ничего не видели.
Душу меняли, тело ли? –
Все мы теперь как равные.
Двое – за одного.

Крылья, как руки, сложены.
Попраны все прострации.
Страшно моё отчаянье...

Рядом – в крови трава,

В небе летают коршуны...

Странно кричать по рации,

Если внутри молчание,

Если в ответ:

– Мертва.

14 апреля 2015

Марине

I

За давностью дней забываются даты
И время всё чаще стучит у виска.
Пусть всем безразлично: зачем ты? когда ты?
Но я постараюсь тебя отыскать.

Тебя. Средь всеобщего гама и шума,
Найти в нищете и тщете серебра.
Плоть – демон, в котором, как в полости трюма,
И душу, достойную только костра!

О, как я безумствую, как негодую
О том, что бессилён осмыслить в уме.
Тебя отыскать – навсегда молодую,
Безмерную в мире объёмов и мер.

Бессильный разбавить твою безутешность
В твоих папиросах, в обрывках листка,
В душе похудевшей, в петле опустевшей...
Как мне бы хотелось тебя отыскать

Так, чтоб не отречься, почувствовав ужас.
Так, чтоб не уйти с неприкрытой виной.
Так, чтобы, однажды назад оглянувшись,
Навечно застыть, словно столб соляной.

И жизни читать, как страницы из книги,
Как волны и бриги солёных морей.
И, глядя на лица, увидеть в них лики,
Воскресшие после эпохи своей.

II

За фактом судьбы не заменишь иного:
Ни взгляда, ни слова, ни мелочных нужд.
Марина, смотреть на людей – одиноко,
Когда всему миру становишься чужд.

Марина, солёная, рядом с тобою
Не вижу ни ангелов, ни сатану.
Когда ты не можешь бороться с толпою,
Единственный выход – в толпе утонуть?

Так топят в количестве качество тела,
Так душу с душой непохожей рознят.
Но ты – не тонула, но ты – не хотела
К безвольным и слабым себя приравнять.

Но ты всё давно рассчитала, как будто
Позволив себе оставаться и сметь.
Ты знаешь, что ждёт разжигателя бунта –
Ужасная смерть, неизбежная смерть.

III

Я думаю, время – большая оплошность.
Бездарность – равняться по календарям.
За эту ненужность и ту невозможность
Кого обвинять и кого укорять?

Кого вопрошать о послании сада,
Куда не проникнет ни голос, ни слух,
Ни крики из ада? И больше – не надо...
Но Бог то ли слишком всевидящ, то ль глух...

И в мире, куда невозможно присниться,
Тебе от которого сном не спастись, —
Вновь кровь на ладонях и соль на ресницах,
И горькой рябины горячая кисть.

Ты, помнится, смерти в семнадцать желала
И жаждала чуда от бега минут,
От Бога. Но снова — нельзя всё сначала...
Тебе не семнадцать. Тебя не поймут.

15 апреля 2015

VI

Я вижу чудовищ твоих. И когда ты
Глядишь на меня — как на них не гляди.
Пусть завтра они разорвут на цитаты,
Сегодня они разорвут во плоти.

Пожалуй, они пострашнее чудовищ.
Они нарекают клеймом именным,
Уставов не чтут и не видят сокровищ.
Как жаль, что небесные чужды земным.

Какое безумье, что всё безвозвратно,
Как данность — я это не в силах принять.
Будь шанс — на тебя оглянулся б обратно,
Пусть даже не стало б навеки меня.

Но пить из твоей нескончаемой чаши —
Я не поручусь за такие слова.
У неба с землёю — отвоевавший,
Не в силах у времени отвоевать.

16 апреля 2015

Холокост

I

Шаг к тебе – словно скачок с помоста.
Словно шаг со стула, когда в петле
Умолкает горло... От холокоста
Все стихи горят на моём столе.

Только вспомни – сразу же обожжёшься.
Мы – огни друг другу во тьме судьбы,
Принимали правду за ложь и нож за
Рукоятку хватали, не в силах быть

Полминуты врозь, часа без объятий.
Без желанной встречи не знали дня.
Как ножи, входили по рукояти
В плоть и кровь друг друга, других кляня.

Я, наверное, спятил – но из тетради
Шквал огня бросается на меня.

13 мая 2015

II

Этим летом письма доходят редко.
Истлевают. Будто горят в руках.
Я хотел бы, чтоб хоть одна пометка
Уцелела – ты не поверишь, как

Я страдаю, зная бесплотность пепла,
Запах дыма чувствуя наперёд.
Это всё равно, если б ты ослепла,
Потеряла слух и зашила рот.

И теперь я более чем надломлен,
И срываю гнев свой на всех подряд.

Этим летом письма к тебе, назло мне,
На столе, в конверте, в руках – горят.

25 мая 2015

III

Ты живёшь лишь в одном выстреле от меня.
Безоглядно любишь, бьёшь наповал, не глядя.
И смеёшься, не стыдясь своего огня,
Не тревожа прошлое и нападая сзади.

Поправляя чёлку. Или, курок спустив,
Ты стреляешь вниз и, убегая, плачешь.
И один тот факт, что до сих пор я жив,
Говорит о том, что до сих пор – удачлив.

Говорит о том, что хладнокровье пуль
Не причислит жаркие чувства мои к обидам.
Ты летишь на полной, и отпускаешь руль,
И горишь, будто бок о бок живёшь с Аидом.

А вокруг – только наше дыхание и июль,
И чертовское нежелание быть убитым.

3 июля 2015

P.S.

Теперь, перечитав свою тетрадь,
Считаю сохранить её излишним...
Я так любил тебя обожествлять,
Что забывал порою о Всевышнем.

Я умирал и падал на кровать,
Но отрицал возможности развала.
Я так любил в сознании рисовать
Тебя, что ты невольно оживала.

Смеялась, начинала свой разбой
Внутри меня, звалась моей судьбою.
Мой идол, мой кумир – я жил тобой.
Но здесь – разрыв...
Я не умру тобою.

Я вспомнил, как мы встретились. Опять...
Шёл дождь. Мы под зонтом до слёз промокли.
Я так любил тебя обожествлять,
Любил настолько, что однажды проклял.

Не думал ни о ком и жил тайком,
Читал не между строк, но между книжек.
Я сжёг тебя внутри, так глубоко,
Что показалось, будто имя выжег.

Я всю тебя измаял, искромсал,
Испепелил – ты из меня исчезла.
Я обернулся и тебе сказал
То, отчего ты вдруг привстала с кресла,

И посмотрела в угол, пряча взгляд.
Не видя то, что прежде различала.

Не плачь. Тебя ещё обожествят,
Сожгут и проклянут.
И всё сначала.

28 мая 2015

Когда ты умрёшь

Когда ты умрёшь – не говори мне, ладно?
Спрячься за облаком (знаю, ты это любишь),
И подожди, пока кто-нибудь, между делом
Вспорет мой слух словами: «Она мертва.

Её нашли как будто уснувшей только.
Утром сегодня. Руки раскинув, будто
Желая обнять или поймать кого-то,
Она лежала и улыбалась небу».

Потом этот кто-то, не торопясь, продолжит
О том, что денег (прочерк) совсем не платят,
Что дождь идёт (прочерк) не первый месяц,
И мир – не лучшее место, чтоб жить с семьёй.

Так вот, когда мне будет уже не важно,
Чем он ещё захочет меня утешить,
Выбеги из-за облака и засмейся,
Как ты умеешь. И обними меня.

Я разрешу тебе сниться, когда захочешь.
Но ты не хочешь, чтобы я ночью плакал.
Ты знаешь душу мою как свои пять пальцев,
Поэтому всё, о чём я тебя прошу:

Когда ты умрёшь – не говори мне,
Ладно?

1 августа 2015

Спящей

Ты спишь. На твоём лице, как на водной глади,
Отражаются все твои сны.

Лицо твоё так искренне и правдиво,
Что каждый невольно поверит тебе, спящей.

Ведь иногда, бессонные, твои губы
Отделяются от всего остального тела,
Забывая о том, что сознание твоё уснуло,
Бормочут что-то бессвязное в тишине.

И распростёртые в стороны твои руки,
Как ночные деревья от дуновений ветра,
Тихо колышутся и ответвляют тени,
Тонут в бескрайнем облаке одеяла.

Ты, лгавшая всю жизнь посторонним, близким,
Друзьям и себе самой, так правдиво спишь.
И я так люблю тебя, спящую, потому что
Только во сне ты не умеешь врать.

Всевидящий и немой, сон срывает маски.
И губы твои, шепчущие бессвязно,
И руки твои, лучше речей и писем,
Душу твою выдадут с головой.

Над нами ночь. Простывшая и больная,
Потерянная, как душа. Ей опять не спится.
Она зажигает звёзды и гасит окна.
И смотрит на нас с тобой.

А мне остаётся только гадать, где ты:
Может, ты ищешь, приподнимая небо,
Маленький город с крошечным домом, где

Ты безмятежно спишь у меня в объятьях...

3 августа 2015

Пустое

Вот вы какие, демоны пустоты!
Демоны, пострашнее, чем я и ты...
Вот мой совет: не затевай пари
С ними, если ты мёртв внутри.

Если играешь с ними, то будь живым.
Ранам не поддающийся ножевым,
Не сатанист, не материалист.
Словом, играя с ними, будь жив и чист.

Они сами душу вытянут из тебя,
А взамен оставят полную пустоту.
И потом – хоть плачься Богу на грудь, скорбя,
Как купюру, проверяй себя на свету,
Но всё это будет под хвост коту,
Считай – ты уже в аду!

Потому что сама пустота – это сущий ад.
Потому что ты – ничуточки не святой.
Так что, если ещё не поздно, вернись назад.
Не играйся со смертью. Нечистью. Пустотой.

17 августа 2015

Хочу, чтобы ты уменьшилась до размера
Брошки, таблетки, круглого медальона.
Чтоб я тебя приколот прямоком под сердцем,
Положил за щёку, помнил всегда твой вкус...
Или на шею вместо креста повесил.

19 августа 2015

Everything

Да кто он тебе? И враг отвечает:

– Друг.

Да кто он тебе? И друг отвечает:

– Враг.

Просветы его волос, губ, и плеч, и рук

Мягко тушит и растворяет мрак.

Да кто он такой? И Бог отвечает:

– Бес.

Да кто он такой? И бес отвечает:

– Бог.

И не успеваешь ответить ты, как с небес,

Иль из-под земли в тебя – как снежок – смешок.

Ты всё не поймёшь: он умер или воскрес?

Ты всё не прочтёшь начертанную судьбу.

Лес шепчет:

– Он – небо...

Небо твердит:

– Он – лес...

А он усмехается только в своём гробу.

Да что он тебе? Однажды его водой

Времени в бессознательность унесёт.

Да что он тебе? И ты говоришь:

– Ничто.

И где-то внутри – как эхо лесное:

– Всё...

5 сентября 2015

Если снова будешь кланяться

Без вступления, предисловия и пролога –
Ты решила, что он – последний и самый-самый!
Если снова будешь кланяться его у Бога,
Как игрушку из магазина у папы с мамой,

Угрожать ему пластмассовым пистолетом –
Ярко-розовым – и стрелять в себя троекратно,
Бог, пожалуй, чуть-чуть подумает над ответом,
Только всё же – не отдаст Он его обратно.

Ты начнёшь торговать юной своей душой,
Загорелым телом, да что там – весь мир на бочку!
Ты отдашь за него всё собственное, чужое,
Что угодно – ведь ты решила поставить точку.

Но закроет Всевышний в облаке твоё солнце,
Посмеётся над слишком детской твоей обидой,
Отвернётся и только скажет:

- Не продаётся.

И повесит табличку на небеса: «Закррито».

9 –10 – 11 сентября 2015

Дом

я вырасту и построю огромный дом.
в нём будет так много комнат, что и не счесть.
и, глядя на дом, добытый большим трудом,
мне сразу понятно станет — я был и есть...

ещё перед ним будет дорожка и
очень большой, небом объятый клён.
маленькая веранда и две скамьи.
и — непролазный лес с четырёх сторон.

так, чтоб никто проникнуть туда не смог.
и зрячий в лесу подобен бы стал слепцу.
так, чтоб во всей вселенной — лишь я и Бог,
глядя в глаза, были лицом к лицу.

дом, ты бы стал второю моей душой.
я бы играл в траве, говоря слова.
и мама бы крикнула:
— ты ведь такой большой...
...хотя мне всего-то навсего тридцать два.

а это так мало, это совсем ничто.
и я засмеялся бы, весел, и рад, и смел.
и мама бы принесла мне моё пальто,
чтобы я не замёрз и не заболел.

отец бы с кривой улыбкой сказал:
— дурак.
уткнулся в газету, трубкой своей дымя.
но как бы он ни дымил и ни злился как —
я знал бы, что он любит всегда меня.

когда наступала б ночь, сея страх и мрак,
дом прятал меня, будто бы соль в слезе.
я звёзды бы стал считать и никак, никак
так до конца не смог сосчитать их все.

я бы произносил его имя ртом,
берёг бы от бед, сколько хватит сил.
и что мне сказать: я так бы любил свой дом
как никого, наверное, не любил.

а сейчас у меня ни мамы нет, ни отца,
ни скамеек, ни дома, — душевная нагота.
и последняя черта моего лица
испаряясь, летит в бездонное «никогда».

13 – 16 сентября 2015

One way or another

Этот день навсегда тебя выбьет из колеи.
Он докажет, что не охотник ты, а мишень.
Ты забудешь чувства, мысли и сны свои.
Словом, ты навсегда изменишься в этот день.

Он ни йотой себя не выдаст, пока ты ждёшь.
Он нагрянет, когда внутри у тебя всё спит.
Это как, вонзая в убийцу его же нож,
Вдруг поймёшь: это ты – убийца, а он – убит.

В этот день ты предощутишь на своей спине
Лучезарный взгляд с улыбкою Самого.
В этот день ты взлетишь высоко-высоко и не
Упадёшь, как обычно падала до того.

Или же этот день перекрасит все
Следующие в чёрный своей рукой.
Как машина, на полной мчащая по шоссе,
Сталкивается с другой.

Как огонь по дому, подобно дурному сну,
Перетекает, и люди бегут сквозь дым.
Кто-то хлопает дверью – и ты у огня в плену.
Один на один – ты остаёшься с ним.

Только день – но он может заживо мир твой сжечь.
Воскресить из пепла тех, кто давно убит.
Этот день – словно меч – голову снимет с плеч.
Или – мечом – на битву благословит.

Когда преломятся контур и светотень
И вся перспектива ляжет наоборот,
Я знаю – тебя когда-нибудь этот день

Со мною столкнёт и мир твой
Перевернёт.

24 сентября 2015

Никто – Никому

Дорогая Никто, как ты в своём Нигде?
Мне почему-то кажется, что никак...
Ты всё так же движешься по звезде,
Душа скитальцев всех и бродяг?

Твоё тело, меня зовущее в темноте,
Словно корабль в бурю зовёт маяк.

Помнишь, как мы, на самом краю Земли
Напевали смешное что-то, без нот, без слов?
Помнишь игру? Я говорил:
– Умри.
Ты умирала. Это была любовь.

Столько воды утекло с той поры – суда
Сплаваются по бескрайней ночной реке.
Ты, глядя в глаза мне, произносила:
– Да.
Это больше всех слов в скупом моём языке.

Наше «навсегда» вылилось в «никогда».
Пусть когда-то я мог быть Всем –
Только стал Никем.

А теперь – подними хоть руки на маяке,
Чтобы я не разбился о крутизну шрифта.

26 сентября 2015